

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВЕТСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ 1920–1930-х гг.¹

Светлана Ульянова²

Abstract

The article contains an analysis of the main principles of the soviet factory system in the 1920s–1930s. An early soviet industrial model put the factory in the center of economic, social and political life, filled it with different socialist symbols. Every worker had to place his/her everyday life under the control of industrial community, linked their professional and consumer expectations to the factory and stayed almost all the time at expanse of the «native plant».

Keywords: social expanse, factory, industrial community.

В последние годы одним из важных направлений исторической науки является изучение индустриального наследия. Этот термин включает в себя ценности индустриальной культуры, имеющие историческое, технологическое, социальное, архитектурное или научное значение.³ Один из аспектов изучения индустриального наследия – исследование фабрики как явления материальной культуры, обусловленного определёнными социальными ценностями традиционного характера. В этом отношении отечественная историография может гордиться многолетней традицией изучения истории отдельных предприятий. В последние годы всё большее распространение получает использование микроисторических подходов. Как справедливо отмечается в одном из современных исследований,

«отдельные факты и даже казусы, собранные воедино, позволяют анализировать стратегию поведения групп и общностей, вникая в цели поступков, их направленность, причины того или иного изменения в поведении и связанных с ним переживаний, в том числе и прежде всего во время конфликтных ситуаций, без которых никогда не обходились производственные отношения, повседневная жизнь рабочих и работодателей».⁴

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-00407а).

² Светлана Борисовна Ульянова – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

³ Виноградов В.А., Бородкин А.И. Экономическая история и современность // *Новая и новейшая история*. 2006. № 6. С. 9.

⁴ Пушкарёва И.Н., Пушкарёва Н.Л. «Новая рабочая история» в зарубежной историографии // *Социальная история*. Ежегод-

В работах А.К. Соколова, В.С. Журавлёва, Г.Р. Наумовой, В.С. Тяжелыниковой, С.П. Постникова, М.А. Фельдмана и др. нашли отражение вопросы формирования особой культуры русской фабрики, исторически сложившихся национальных традиций социально-трудовых отношений в промышленности. Изучение промышленной истории требует учёта особенностей индустриального хронотопа. Фабрика как историческое явление существует в пространстве и во времени, причём и время, и пространство социально структурированы. На предприятиях индивиды распределяются в пространстве таким образом, что их можно изолировать, отыскать, при этом и промышленная архитектура, и социальное наполнение архитектурного объёма диктуются производственным механизмом. Анализируя особенности фабричного пространства, следует иметь в виду, что оно

- организовано, *во-первых*, рационально, согласно «машинной» логике, *во-вторых*, по принципу паноптикума;
- маркировано различными социальными, политическими, религиозными и др. символами;
- наполнено социальными и политическими отношениями по горизонтали и вертикали.

Поступление на завод требовало установления символических прав над определённой частью территории, организации собственного пространства, его центрирования (люди и группы склонны видеть себя в центре по отношению к окружающему пространству, что позволяет получить узлы связи, места защиты и управления, сформировать каркас обитаемой территории, придать ей определённую конфигурацию)⁵. Складывались определённые стереотипы взаимодействия человека с внешней средой, представления о «своём» и «чужом» пространстве, территориальные ценности.

В повседневной жизни заводского сообщества существовала иерархия социального пространства, которая конструировала систему социальных связей не только на формальном, но и на бытовом уровне. В этом контексте интересным аспектом изучения являются социальные сети взаимосвязей и взаимодействий в частной, домашней и внедомашней производственной жизни; каждодневные обстоятельства работы, мотивации труда, отношения работников между собой и их взаимодействия (в том числе и конфликтные) с представителями администрации; модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте.

Применительно к истории советского общества важно отметить, что оно строилось по образу и подобию фабрики. Поэтому изучение дисциплинарного пространства советского предприятия, которое выступало средоточием социальной и политической жизни, определяло её ритм и содержание, представляется актуальной историографической проблемой. Центральным понятием является «заводское сообщество» как совокупность людей, занятых

ник. 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 58.

⁵ Тишков В.А. *Реквием по этносу*. М.: Наука, 2003. С. 297.

в индустриальном производстве на конкретном предприятии. В отличие от трактовки заводского (производственного) сообщества (*Werksgemeinschaft*), принятой в германской школе *Alltagsgeschichte*, где во главу угла ставится общность интересов всех работников на уровне завода⁶, в данной статье заводское сообщество рассматривается как сложно организованная система, различные элементы которой находятся в динамичном состоянии взаимозависимости и определённых социальных, экономических и политических договоров, где всё пронизано отношениями власти и подчинения. Человек, попадая в производственную организацию, включался в иерархизированную систему сложившихся социально-трудовых отношений, в которых сталкивались интересы рабочих, инженерно-технических специалистов и администраторов-хозяйственников. Неслучайно М. Фуко уподобил завод монастырю, крепости, закрытому городу:

«Необходимые порядок и дисциплина требуют, чтобы все рабочие были собраны под одной крышей. Дисциплинарные механизмы прорабатывают пространство много более гибким и тонким образом. Прежде всего, по принципу элементарной локализации или расчерчивания и распределения по клеткам. Каждому индивиду отводится своё место, каждому месту – свой индивид. Дисциплинарное пространство имеет тенденцию делиться на столько клеточек, сколько есть тел или элементов, подлежащих распределению. Требуется вести учёт наличия и отсутствия, знать, где и как найти того или иного индивида, устанавливать полезные связи, разрывать все другие, иметь возможность ежеминутного надзора за поведением каждого, быть в состоянии оценивать его, подвергать наказанию, измерять его качества и заслуги»⁷.

Уже в первой половине XIX в. в промышленном строительстве возник новый тип здания с ячейково-зальной организацией внутреннего пространства, позволившей реализовать принцип «паноптизма» (термин И. Бентама), т. е. обеспечить управляющим постоянное наблюдение и контроль над управляемыми. К 1917 г. в промышленном строительстве окончательно сложилась конструктивная основа промышленных пролётных зданий, состоящая из решетчатых колонн, сквозных ферм, подкрановых составных балок, прокатных прогонов, торцовых и продольных фахверков, образующих вместе единую пространственную систему.⁸ Прохаживаясь по центральному проходу в цехе, можно было осуществлять надзор одновременно и общий, и индивидуальный: отмечать присутствие рабочего, его прилежание, качество работы; сравнивать рабочих

⁶ Людтке А. *История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти* / Перев. К.А. Левинсона и др. М.: РОС-СПЭН, 2010. С. 160–161.

⁷ Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы* // [Электронный режим] Точка доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Turm/index.php.

⁸ Штиглиц М.С. *Промышленная архитектура Петербурга*. СПб.: Журнал «Нева», 1996. С. 70.

друг с другом, классифицировать их сообразно с ловкостью и быстротой, следить за последовательными стадиями производства.

В интерпретации Фуко паноптизм оказывается фундаментальным принципом власти, постоянно стремящейся наблюдать за всеми и контролировать всех, оставаясь при этом невидимой и анонимной. Те или иные группы сплошь и рядом чувствуют на себе – именно как на сообществе в целом – пристальный прищур власти и под этим взглядом выстраивают как внутриобщинные нормы, так и стратегию «внешнего поведения» по отношению к «господствующим чужим». Даже в сравнительно благоприятных условиях «наблюдаемым» приходится идти на рискованные эксперименты с собственной идентичностью, чтобы лучше соответствовать ожиданиям «наблюдающих».⁹

Естественно, основным принципом организации заводского пространства был принцип производственный. Однако применительно к предприятиям 1920-х гг., только-только выходящим из разрухи, говорить о рациональной организации производственной повседневности можно лишь с определённой натяжкой. Здания требовали ремонта (нередки были случаи, когда разбитые окна закрывали фанерой, крыши текли, полы проваливались). Работа велась на изношенных станках. Так, по Ленинградскому промышленному бюро процент изношенности основного капитала промышленности на 1 октября 1925 г. составил 37%.¹⁰ Машины 15-летней давности не считались старыми. А на фабрике «Красный ткач», например, в 1924 г. ещё работали механизмы 1867–1868 гг. выпуска.¹¹ Ещё в середине десятилетия производственные мощности были недогружены, царившая бесхозяйственность заполняла заводское пространство неиспользуемыми машинами, сырьём и изделиями, разнообразным хламом. Несуразное расположение станков, мастерских, складов заставляло работников в день проходить большие расстояния в поисках материалов, инструментов и пр. Неслучайно объявленный в 1296 г. «режим экономии» начался с уборки заводских дворов. Дело в том, что, согласно Типовому уставу треста (1923 г.), директор предприятия представлял проект производственной программы и сметы вместе с заявкой на материалы, денежные средства и рабочую силу правлению треста. Правление, утвердив их, должно было снабжать заведение сырьём, деньгами, привозным топливом, основными материалами в соответствии с планом и сметой. Директору предоставлялось право и даже вменялось в обязанность проявлять инициативу в пополнении запасов сырья, право закупать и изготавливать таковое.¹² Директоры

⁹ Казус: индивидуальное и уникальное в истории: 2006. М.: Наука, 2007. С. 8–9.

¹⁰ Ленинградская область в таблицах. Ленинград, 1927. Табл. 13.

¹¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 16, оп. 5, д. 5906, л. 189–201.

¹² Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР: в 2 тт. Т. II. 1921–1934. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 76–77.

пользовались этим и стремились создать как можно больший резерв сырья и материалов. Но в связи с отсутствием в большинстве случаев условий для длительного хранения эти запасы постепенно приходили в негодность.

На первых порах работа по сбору и учёту материалов, инструментов и полуфабрикатов дала большой эффект. Так, за счёт очистки территории Путиловский завод получил материалов на 783.2 тыс. руб.¹³ Реализация излишков материала на «Электросиле» дала 60 тыс. руб. прибыли.¹⁴ На Северной судовой специальной комиссия обследовала все кладовые и склады, выявив излишки на 1.8 млн руб.¹⁵ А на небольшом архангельском лесозаводе в феврале 1926 г. специальная комиссия выявила разных ненужных заводу станков и предметов на 10 000 руб.¹⁶

В рассматриваемый период фабричное пространство таило в себе определённую долю опасности. Изношенное оборудование, низкая квалификация большинства работников, переход в середине 1920-х к политике неограниченной сдельщины, побуждавшей рабочих к пренебрежению правилами техники безопасности ради заработка, отсутствие элементарного порядка на производстве – всё это приводило к росту травматизма. По данным Наркомата труда СССР, в крупной промышленности на 1 января 1929 г. среди молодых рабочих до 19 лет инвалидов насчитывалось 1.9% у мужчин и 3.5% у женщин. В возрасте от 20 до 24 лет этот показатель возрастал до 11.7% у мужчин и до 14.8% у женщин. Это означало, что примерно каждый восьмой молодой рабочий к 24-м годам становился инвалидом. Число рабочих-инвалидов труда превышало 10% от общей численности промышленных рабочих.¹⁷

Высокий уровень травматизма современники объясняли тем, что (1) в СССР фиксировались все несчастные случаи, даже самые лёгкие (это не так, рабочие зачастую не обращали внимания на мелкие травмы, стремясь к высокой сдельной выработке); (2) большинство фабричных зданий было построено ещё до революции и теперь находилось в неудовлетворительном состоянии; (3) оборудование устарело и изношено; (4) малоквалифицированные рабочие технически неграмотны, а опытные рабочие – беспечны и самонадеянны; (5) хозорганы недостаточно внимательны к условиям труда рабочих.¹⁸ Постоянно проводившиеся кампании (колдоговорные,

¹³ *Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района (1925–1928 гг.)*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1964. С. 90.

¹⁴ *Красная газета*. 1926, 14 июля.

¹⁵ *Производственное совещание*. 1928. № 3. С. 6.

¹⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 266, оп. 6, д. 111, л. 196.

¹⁷ Фельдман М.А. Условия труда промышленных рабочих Урала в 1910–1930-е гг. // *Экономическая история. Ежегодник*. 2006. М.: РОССПЭН, 2006. С. 276.

¹⁸ Якубова А. Промышленный травматизм и борьба с ним // *Вопросы труда*. 1928. № 7–8. С. 50.

перевыборные и пр.) способствовали сохранению внимания к вопросам охраны труда и тем самым содействовали их улучшению. В то же время политика опережающего роста производительности труда по отношению к заработной плате, провозглашённая в середине 1920-х гг., реализовывалась и за счёт условий труда, вызывая резкие протесты со стороны рабочих.

Следует признать, что к середине 1930-х гг. ситуация на предприятиях заметно изменилась. В 1935 г. на Всесоюзном совещании стахановцев перетяжчик фабрики «Скорород» Н.С. Сметанин говорил:

«Я помню свою фабрику, когда она представляла собой большую грязную кустарную мастерскую. Я вижу, как фабрика изменилась сейчас. Если вы идёте по ней, то вам кажется, что вы видите не цеха, в которых люди заняты физическим трудом, а лаборатории. Люди в чистых халатах стоят около машин. Кругом чистота. Наша фабрика – действительно социалистическое во всех отношениях предприятие»¹⁹.

Ему вторила московская ткачиха М.В. Лысякова:

«А если взять то, что было в 1927–1928 гг., – даже глядеть страшно. Материал был разбросан – там початок, там шпулька, всё валялось. А сейчас, если вы придёте на нашу фабрику – чистота и опрятность, вы ни одной шпульки, ни одного початка не найдёте. Это говорит о том, что нас воспитала фабрика»²⁰.

Условия труда, организация «производственного быта» формировали атмосферу на предприятии, которая влияла на успешность и производства, и идеологической работы правящей партии среди своей «опоры» – рабочих. Фабрику можно воспринимать как особое жизненное пространство, в котором человек не просто работал, но и жил. Ещё И.Х. Озеров указывал на неразрывную связь рабочего со своим заводом, связь, которая превратила «его в улитку, сросшуюся со своей раковиной», от которой «он не может оторваться».²¹ Учитывая, что на производстве рабочий проводил как минимум треть суток, жил зачастую в фабричной казарме, можно сказать, что человек лишь в малой степени мог распоряжаться собой. Администрация регламентировала его распорядок дня (правила внутреннего распорядка), питание (традиция питания «всухомятку» у станка, введение обеденного перерыва в 1920-е гг., культура заводских столовых), семейную жизнь, трату заработанных денег (в этом плане интересную информацию даёт изучение политики заработной платы, бюджетов рабочих, исторического опыта рабочей потребительской кооперации, касс взаимопомощи, потребительского кредитования) и т. д.

¹⁹ *Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц – стахановцев. 14–17 ноября 1935 г.* Стеногр. отчёт. М., 1935. С. 38.

²⁰ Там же, с. 80–81.

²¹ Озеров И.Х. *Горные заводы Урала*. М., 1910. С. 18.

Пространство промышленного предприятия включало в себя множество объектов непроизводственного назначения. Отметим характерную для русской «фабрики-общины» черту – обеспечение материальных и социально-культурных потребностей своих работников, связь работников с фабрикой не только непосредственно в производственном процессе, но и в учёбе, воспитании детей, культурном росте и пр. Такое положение, когда все нужды работника удовлетворялись на фабрике, когда он стремился жить ближе к месту работы, а круг его общения ограничивался товарищами по работе, когда с фабрикой была связана и его семья (дети и неработающая жена) и рабочий коллектив становился для человека референтной группой, имело под собой не только неписаную традицию, но и отвечавшую ей законодательную базу. В годы нэпа предприятия должны были содержать школы фабрично-заводского ученичества и технические курсы, школы по ликвидации неграмотности, клубы, детские сады и ясли, библиотеки и пр. Причём средства, выделяемые предприятиями на эти нужды, находились, согласно законодательству, в распоряжении профсоюзов.²² При предприятиях действовали и лечебные учреждения – амбулатории и пр. Хотя обслуживание в них часто вызывало нарекания, для рабочих это была практически единственная возможность поправить здоровье.

Говоря об организации пространства на советской фабрике, следует иметь в виду, что именно предприятие зачастую организовывало жизнь и за фабричными воротами. Строя фабричное жильё, коллектив предприятия словно раздвигал границы территории, над которой он мог установить свой контроль. Фабрика или завод мыслились как центр общественной жизни всего поселения.²³

Существовало *три типа* сочетания производства и жилья. Первый – непосредственное размещение жилых зданий казарменного типа для рабочих и служащих на территории предприятия в специально выделенной для этого зоне. Совмещение на одной территории производственных, жилых и обслуживающих зданий вело своё начало от усадебного типа промышленного комплекса XVIII–XIX вв. В конце XIX в. жильё для рабочих начинает вычленяться непосредственно из структуры промышленных предприятий. В советский период, в 1920-е и, особенно, 1930-е гг., формируются рабочие кварталы, рабочие посёлки и целый городки.

В годы первой пятилетки в промышленные центры прибывали десятки тысяч новых рабочих. Жилищная политика осознанно использовалась советской властью как мощное и эффективное средство дисциплинарного воздействия на «нетрудящихся» или «плохо трудящихся». М.Г. Меерович выделил те действия, которые власть для этого целенаправленно осуществляла: присвоила себе всё многоквартирное многоэтажное городское жилище; запретила все

²² *Законодательство о промышленности, торговле, труде и транспорте: в 2 ч.* Ч. II. М., 1923. С. 579–580.

²³ *Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия.* Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 366.

формы обретения жилья, кроме государственного распределения; провозгласила принцип «жильё только для тех, кто работает»²⁴. В новых индустриальных городах жильё предоставлялось почти исключительно предприятиями. Например, в Магнитогорске 82% жилья принадлежало Магнитогорскому металлургическому комбинату.²⁵ Обычно ведомственное жильё имело вид бараков или общежитий. Для молодых рабочих, не имевших семьи, специально разрабатывались проекты домов-коммун, жилых комплексов с небольшим приватным пространством и обширными общими помещениями. Так осуществлялась экспансия публичного пространства, нормативной модели коллективного быта, а частная жизнь отступала перед соображениями административной целесообразности и экономии. В результате в советской повседневной практике начали складываться «трудодытовые» коллективы (термин, предложенный М.Г. Мееровичем²⁶). Здесь за счёт тесного переплетения производственных и бытовых процессов должен был формироваться такой вид коллективного объединения людей, в котором за счёт «прозрачности» жизни предметом каждодневных бытовых разговоров и обсуждений становятся трудовые дела. Таким образом, в новой жилищной идеологии отсутствовала «концепция приватности».

Исследователи советских бытовых практик 1920–1930-х гг. часто обращают внимание на недостаточно комфортные условия проживания, которые предприятие предоставляло рабочему. В то же время, в соответствии с провозглашённой в начале 1930-х политикой строительства образцовых пролетарских районов, большие средства вкладывались в создание новых жилищных массивов при крупных предприятиях. При этом главным принципом городского планирования становилась организация всей городской жизни вокруг промышленных предприятий. В процессе совместной работы и проживания создавались соседско-дружеские сети, в которых наблюдалось «перекрытие» социальных ролей, т. е. коллеги с завода являлись также соседями, часть соседей находились друг с другом в родственных отношениях, дети соседей, знакомые с детства, позже становились коллегами. В итоге при заводах формировались относительно замкнутые микросообщества.²⁷

Идея формирования коммунального типа проживания имела мощную опору в коллективистских отношениях деревенской общины. В традиционной крестьянской среде человек оказывался

²⁴ Меерович М.Г. *Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы)*. М.: РОССПЭН, 2008. С. 5.

²⁵ Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город /* Перев. Л.Ю. Пантина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 62.

²⁶ Меерович, указ. соч., с. 23–24.

²⁷ *Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы*. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 27–74.

под мощным принудительно-воспитательным воздействием коллектива. К наследию крестьянско-общинной организации можно отнести непритязательность, уравнительность в быту и общественной жизни.²⁸ Провозглашая и реально формируя коммунальное жилище как специфический тип совместного существования членов одного трудового коллектива, власть сознательно и целенаправленно восстанавливала в городе привычные для выходцев из деревни традиционные истоки культурно-бытового и трудового сосуществования.

В советское время завод являлся средоточием социальной и политической жизни. Партийные, комсомольские, профсоюзные структуры, низовые ячейки различных общественных организаций (МОПР, ОДВФ и др.) занимали заметное место в пространстве предприятия. На заводах проводились выборные советские кампании и даже выездные заседания судов.²⁹ В соответствии с господствующей идеологией рабочий никогда не должен был забывать о социалистическом характере производства. С этой целью пространство предприятий оказалось маркировано множеством символов нового строя. Например, во время Первой всероссийской профнедели (февраль 1921 г.) все фабрики, залы заседаний и пр. должны были украшаться специальными плакатами, показательными картограммами и т. д. Организовывалась выставка профдвижения. Лучшие предприятия награждались производственными знамёнами. Члены союзов снабжались соответствующими нагрудными значками.³⁰

На заводах и фабриках производственная жизнь наглядно отображалась в стенгазетах, на досках почёта и позора, в графиках выполнения производственных заданий и программ. Эти презентации могли быть как негативными, так и позитивными. Например, на Ленинградской ниточной фабрике им. Халтурина в 1925 г. «цеховым производственным совещанием строительного отдела сделан цифровой экран прогульщиков фабрики. Экран установлен в воротах фабрики и указывает число прогульщиков на ф-ке. Экран, как способ агитации за ликвидацию прогулов, имеет большой успех»³¹. С другой стороны, специальными символами отмечались и производственные успехи. Так, в 1936 г. во время стахановской кампании на заводе «Красный Октябрь»

«для развития соцсоревнования организован порядок вывешивания в течение дня красных флажков на станках перевыполняющих норму.

²⁸ Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. Т.1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 343–344.

²⁹ Ульянова С.Б. *«То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг.* СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. С. 94–101.

³⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 6276, оп. 42, д. 17, л. 32–33.

³¹ Будни производственных совещаний // *Производственное совещание*. 1926. № 1. С. 13.

На том станке, где уже достигнута норма на 100%, вывешивается 1 флажок, где норма выполнена на 200% – вывешивается 2 флажка и т. д.»³².

Особо почётная символика в 1920-е была связана с образом В.И. Ленина: в 1928 г. на одном заводе проводился конкурс на лучший цех по наименьшему количеству прогульщиков. В качестве приза лучший цех получал бесплатные билеты в театр или кино или газеты на месяц и бюст Ильича на пьедестале. При этом бюст Ленина стал переходящим призом.³³ Как отметил С. Коткин применительно к Магнитке начала 1930-х гг., такие призы и знамёна, «переходившие из рук в руки вслед за взлётами и падениями отдельных бригад (иногда это могло происходить чуть ли не в течение одной смены), превращали работу в некое подобие спорта»³⁴. Таким образом, советская символика, атрибуты новой идеологии визуально преобразовали публичное пространство советского предприятия, формируя его как социальную площадку определённого типа.³⁵ Можно предположить, что тем самым рабочим коллективам диктовали нормы предписанного, допустимого и недопустимого поведения в данном «общественном месте».

Формируя новый стиль жизни и индустриального труда, советская власть активно использовала социальное заводское пространство, в 1920-е гг. ещё сохранявшее многие черты дореволюционного прошлого. Значительные перемены в повседневной жизни заводского сообщества, в его взаимоотношениях с властью были связаны, в том числе, с организацией пространства на фабрике и вне её, с центрированием пространства, превращением фабрики в центр социально-политической жизни, использованием заводского пространства не только в производственных, но и в бытовых и политических целях, а также с приданием ему нового символического смысла.

³² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24, оп. 2в, д. 2093, л. 54.

³³ Самошин А. Некоторые итоги // *Производственное совещание*. 1928. № 8. С. 8.

³⁴ Коткин С. Говорить по-большевистски // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология*. Самара: «Самарский университет», 2001. С. 258.

³⁵ Адоньева С. *Дух народа и другие духи*. СПб.: Амфора, 2009. С. 269–270.